

Галина Яновская
(Калининград)

ДУХ УЧИТЕЛЯ: НЕРАСТОРЖИМА СВЯЗЬ ВРЕМЕН

Да разве сердце позабудет
Того, кто хочет нам добра,
Того, кто нас выводит в люди,
Кто нас выводит в мастера!

1987 год. Первый курс филфака. На перемене в узком коридоре старшекурсники восторженно обсуждают лекцию, спорят. Тут и там раздается «А Грешных сказал...», «Нет, наоборот, с точки зрения Грешных...» Первокурсная мелюзга заинтригована: Грешных, Ницше, Кафка, Пруст — все в одном магическом сплаве. «Дорастете до 4-го курса — узнаете, кто такой Грешных. В двух словах не скажешь. Его надо СЛЫШАТЬ!» По иронии судьбы моему курсу так и не посчастливилось услышать Владимира Ивановича: он ушел в творческий отпуск писать докторскую диссертацию. И в памяти моих однокурсников зарубежная литература XX века осталась невыразительной серой глыбой: Кафка, Джойс, Сартр, Пруст без Грешных разом лишились жизни.

Я оказалась самой счастливой. Позже, будучи уже ассистентом кафедры, которой руководил Владимир Иванович, я услышала зарубежную литературу в исполнении своего Наставника. Это было откровение! «Виртуозно», «потрясающе», «грандиозно» — ни один из эпитетов не способен выразить всю полноту переживаний, охватывающих зрителей во время величественной мистерии Духа под названием «XX век. Грешных». В сопровождении Мастера мы попадали в Ма-

гический театр Германа Гессе, входили в Замок Франца Кафки, блуждали по лабиринтам сознания Джеймса Джойса, ждали Годо с Сэмюэлем Беккетом, искали утраченное время с Марселем Прустом... А попутно совершали фантастические экскурсии в глубину веков. И перед нами разворачивались необозримые просторы мировой культуры. Все оказывалось связано со всем незримыми нитями животворящего Духа. Вселенная дышала.

А ведь все это богатство было прочитано мною еще на 4-м курсе. Но тогда не цепляло — было последней частью обязательной программы общего курса зарубежной литературы. И только теперь в слове Мастера обрело новую жизнь. Неожиданная параллель, скрытая аналогия, сходство и контраст, загадочно-ироничная и возвышенно-патетическая интонации, шепотка интриги и мистификации вдруг переворачивали шаблонные представления о, казалось бы, знакомом произведении. «Они сошлись: волна и камень, стихи и проза, лед и пламень не столь различны меж собой» — и в романе А.С. Пушкина, и в магическом слове Мастера.

Тот вид занятий, который в учебном плане именуется лекцией, под рукой Мастера становился художественным произведением. На наших глазах из зачитанной до дыр книги Мастер создавал настоящий шедевр, живую Вселенную. Одна фраза: «Фоновому персонажу Сартр дает убийственную характеристику: "Наедине с собой этот человек всегда спал"» — и Сартр становится таким родным, близким, живым. Одна фраза: «Я Марсель Пруст. Я подписываю этот роман "В поисках утраченного времени"» — и сердце бьется в упоенье, и хочется бежать домой сломя голову, чтобы схватить книгу и перечитать заново, уже другими глазами — глубокими, зоркими глазами моего Учителя.

Так Владимир Иванович влюбил меня в зарубежную литературу XX века. Какое-то время мы с ним читали этот курс на разных отделениях филфака, а потом и на разных факультетах. Вводную лекцию я начинала так: «Этот курс буду вести я. Вам не повезло. У зарубежных его читает Владимир Иванович Грешных — мой Учитель. В своих лекциях я буду опираться на его концепцию. Но советую посещать и его занятия. Я и в подметки ему не гожусь». Теперь мои студенты знают только его имя и основные идеи трудов. А я по-прежнему не гожусь ему в подметки, несмотря на 20-летний опыт преподавания.

Двадцать четыре года назад в обшарпанном коридоре филфака моему Учителю хватило пяти минут перемены, чтобы влюбить меня в Пушкина и Байрона, в XIX век. Это была наша первая встреча и первая консультация по курсовой работе длиною в выкуренную сигарету, но продлившаяся более 20 лет. Ну что нового можно найти у Пушки-

на и Байрона, чего до тебя не откопали ученые мужи? Владимир Иванович грациозно закурил сигарету: «Голубушка, прочитайте тексты с карандашом в руках, бесстрастно, как филолог. Сделайте пометки на полях обо всем, что покажется вам интересным. Текст сам направит вас в нужное русло. Тексты с пометками принесите мне. По ним я пойму, сможем ли мы сработаться. Обратите внимание: английский романтизм... — Пауза, струйка дыма. — Русский романтизм... — Пауза, струйка дыма. — Бунт... — Пауза, струйка дыма. — А что, если посмотреть с другой стороны — с точки зрения художественной формы... — Пауза, струйка дыма. — Поэма... — Пауза, струйка дыма. — Прочитаете, голубушка, приходите». Прозвенел звонок на пару. Сигарета погасла.

По ключевым словам моего Учителя, как по нити Ариадны, я написала курсовые работы и дипломное сочинение, а потом тезисы докладов, научные статьи и диссертацию. С диссертацией отношения никак не клеились. Пять раз с карандашом в руках дочитывала роман Вирджинии Вулф «Миссис Дэллоуэй» до 13-й страницы и швыряла книгу. Ну не идет, хоть тресни! Не вижу нити, все рассыпается. Владимиру Ивановичу не признавалась. Он сам все понял: «У меня сегодня ваша Вирджинька. Правда, не "Миссис Дэллоуэй", а "Пятно на стене". Приходите. Четвертая пара». Аудитория была заполнена полусотней студентов. Но этот маленький рассказ В. Вулф мой Учитель превратил в шедевр только для меня. Из одного рассказа он протянул мне нить, ставшую ключом к пониманию романа, всего творчества и самой Вирджинии Вулф.

«Поздравляю. Чувствуется школа Владимира Ивановича», — сказала после защиты диссертации мой оппонент — профессор Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого Н.В. Владимирова. И это была чистая правда. Все, что я есть в профессиональном плане, — это школа моего Учителя. Нет, не его стиль, не его почерк — это уникально, гениально и невоспроизводимо. Во мне живет его Дух. Видеть скрытое между строк, улавливать ускользающее, не бояться полета мысли, в чашечке цветка обрести весь мир — этому научил меня мой Наставник.

Перечитала грешинки. Есть такой жанр — стихотворная пародия на сотрудников кафедры по случаю важных событий. Его изобрел Грешных. Рассмеялась сквозь слезы. Ведь и этому я научилась у него. Нет, не грешинкам — этому не научишься, харизма нужна, — а внимательному, чуткому отношению к тем, кто рядом с тобой, за кого ты ответственен, кто близок и дорог — не по крови, а по общему Делу, по Духу, по Судьбе.

Показалось, что с уходом Владимира Ивановича я осиротела: что-то важное, громадное, сущностное вдруг покинуло мою жизнь. Как же теперь входить в аудиторию и читать зарубежку БЕЗ НЕГО? Ведь я осталась один на один с прекрасным и безобразным XX веком!..

На лекции все рассыпалось. Слова становились липкими и тягучими. Мысль то буксовала, то бунтовала. Будто КТО-ТО ждал, чтобы я произнесла главную фразу всей своей жизни: «Этот курс я посвящаю памяти великого ученого, моего Учителя — Владимира Ивановича Грешных. Без него не было бы меня». И через несколько минут несобранность улетучилась, нервозность исчезла, слова обрели плоть и кровь, будто КТО-ТО вновь вдохнул в них жизнь. Скептики и циники могут ухмыльнуться, но в тот момент мой Учитель был не рядом со мной, а во мне. Его Дух наполнил аудиторию дыханием Вечности. В глазах студентов заблестели слезы.

Теперь я точно знаю, что невозможное возможно. По XX веку мы по-прежнему проходим вместе — Учитель крепко держит за руку свою ученицу. Его незримое присутствие поможет нашим ученикам найти кошку под дождем, выбраться из сада расходящихся тропок, написать письмо полковнику, поиграть в бисер, расследовать случай в зоопарке. С ним мы не будем бояться Вирджинии Вулф.

Связь времен нерасторжима. Дух Учителя с нами.

Низкий Вам поклон, Владимир Иванович!